

ГРАНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Ирина ЕГОРОВА

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник.
Институт философии Российской академии наук. 109240,
Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: eiv1966@mail.ru

РАЗВОЛШЕБСТВОВАНИЕ МИРА И ЧУВСТВО СВЯЩЕННОГО ТРЕПЕТА

Объектом исследования служит чувство трепета, рассматриваемое в качестве особого человеческого переживания. Исходным материалом является трактовка трепета как изнанки страха, которая содержится в работе С. Кьеркегора «Страх и трепет». Ужас может охватить человека при очевидной опасности. Но душа способна испытать сильное потрясение, когда никакой непосредственной угрозы нет. Это состояние многогранное и многоликое. Оно может возникнуть при встрече с возвышенным, в акте религиозной веры. В статье описываются обнаружения этого чувства в разных сферах человеческого бытия. В современном мире сфера трепета оказывается обуженной, поскольку, по выражению М. Вебера, произошло «разволшебствование» мира. Но чувство священного трепета продолжает оставаться сугубо человеческим переживанием.

Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как генезис чувства трепета и чувства сакрального, метафорическое и символическое выражение чувства трепета в образе «бездны». Также осмысливается гностическая традиция, изучающая чувство трепета в процессе и в качестве результата познания.

В статье показано, что чувство трепета в своей основе содержит различные модальности, в выражении чувства сакрального оно является амбивалентным. Чувство трепета может выступать в качестве образа и относится как к объективной, так и к субъективной реальности. Оно является индикатором экзистенциальной истины. Новизна исследования заключается в попытке показать многогранность этого чувства применительно к различным сферам бы-

тия человека. Особое внимание автор обращает на факт десакрализации жизни европейского человека, что приводит к вытеснению трепета как атрибута экзистенциального чувства из нашей жизни.

Ключевые слова: трепет, страх, сакральное, амбивалентность, священное, возвышенное, бездна, истина, гнозис, экзистенциал

Трепет есть лучшая часть человека; как ни дорого заставляет его свет платить за проявление чувства, но, только испытывая волнение, он глубоко чувствует беспредельное.

И.В. Гёте [6, с. 230]

Любая эмоция, которую испытывает человек, может быть как простой и житейски понятной, так и предельно насыщенной и глубокой, иметь такую силу, которая приводит к преобразению внутреннего мира человека. За обозначением такого чувства, как страх, таится неисчерпаемая полнота различных состояний и оттенков психического и эмоционального мира человека. Внутри на первый взгляд знакомого и понятного переживания кроется богатая палитра различных чувств: боязнь, испуг, тревога, ужас, жуть, трепет и даже предельная скука. Каждое из этих состояний само по себе является значительным и отличается от страха особым оттенком. В статье мы попытаемся определить, в чём заключается сущностное отличие чувства трепета от других сходных состояний.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на повсеместную секуляризацию и разволшебствование мира, чувство трансцендентного невозможно отнять у человека, оно является одной из базовых потребностей. Строгая научная рациональность европейской цивилизации безусловно дала человечеству множество благ, однако наряду с этим мы видим, что исключительно рациональный путь развития ведёт в тупик. В этой связи изучение человека в его наиболее ярких эмоциональных проявлениях создаёт возможность взглянуть на человека и развитие цивилизации под новым углом. В состоянии священного трепета, в глубокой молитве или медитации, человек предстаёт перед нами как существо духовное, а не просто биологическое.

Священный трепет

Чувство священного трепета возникает в сфере религиозного и мистического опыта. Существует несколько подходов к проблеме происхождения религии и всевозможных верований, но важно отметить, что

представление о возникновении религии из страха несостоятельно. Такое объяснение является слишком поверхностным. Простое чувство страха не могло привести к тому, что человек стал искателем смысла и создателем культуры. По мысли Т. Роззака, древний человек начал с удивления и замороженного наблюдения за окружающим миром, ещё до создания первых орудий [20]. Магия возникла в самые древние времена; культовые обряды, мистерии, песнопения и танец – всё это является, на наш взгляд, не менее важным с точки зрения определения сущности человеческой природы, чем создание орудия и труд. А вместе с тем всё это является частью того, что можно назвать религиозным мировоззрением. По-видимому, человек начал своё рождение с мистических видений и озарений, а уже после были созданы первые орудия и человек овладел огнём. Скорее сначала человек восторженно и молитвенно воспринимал окружающий мир, а уже после этого начал осваивать его с практических позиций [8]. Создатель первобытной культуры скорее был зачарован мерцанием огня или проблеском молнии. Мы не можем назвать это страхом, это уже трепетное отношение к природе и окружающему миру. Зачатки религии и культуры нужно искать не в страхе перед природными явлениями, а в чувстве глубинного, священного трепета перед природой и мирозданием.

Столкнувшись с тем, что помимо конкретно религиозного состояния человек способен испытать особое чувство, которое напоминает чувство священного, но относится не только к сфере религии, Рудольф Отто ввёл понятие *нуминозного*. Нуминозное чувство шире, чем священное, оно содержит в себе нечто невыразимое, относящееся к вершинным состояниям духа, оно включает в себя различные модальности. В первую очередь, мы можем говорить об ощущении «совершенного превосходства (и неприступности)» [14, с. 20], которое рассматривается в качестве предпосылки чувству «совершенной зависимости». То, что мы не в силах выразить с точки зрения *величины* и *масштаба*, вызывает в нас особое, ни с чем несравнимое нуминозное чувство. Именно невозможность постичь или осознать величину, так как даже сравнить возникший объект не с чем, рождает в человеке особого рода чувство и состояние. При этом важно отличать чувство нуминозного от чувства возвышенного, описанного ещё И. Кантом [11].

И. Кант говорит об абсолютной величине природного явления, полностью очищая это чувство от любых религиозных мотивов. Чувство возвышенного содержит в себе двойственность: человек испытывает беспомощность перед лицом стихии, при этом возникает желание преодолеть это природное явление, противостоять возникшей угрозе, укротить природу. В такие моменты человек возвышается над собой, и здесь природные объекты и явления рождают чувство возвышенного не из-за страха, а в силу того, что они пробуждают в человеке высшую силу. Трепет возвышенного – это преодоление страха

перед миром природы и душевный подъём, призыв к действию, преодолению и свершению. В то время как чувство нуминозного может возникнуть перед ощущением чего-то, что невозможно даже помыслить в полной мере.

Нуминозное чувство нельзя назвать возвышенным, скорее наоборот. Оно содержит в себе различные оттенки и модальности. Чувство нуминозного – это состояние глубинной медитации или полной расслабленности сознания, состояние покоя и погружённости в молитву. Это чувство может внезапно всколыхнуть человека, пробудив в нём жизненную силу и энергию, превознеся его до небывалых духовных высот, с тем чтобы так же неожиданно отступить и вернуть человека в состояние обычного земного существования. В такие моменты человек может находиться в странном волнении, восторге или даже экстазе, равно как в состоянии ужаса и потусторонней дрожи. Все эти состояния обязательно возникают *перед чем-то*, что таинственно возвышается над человеческим творением.

Так, состояние, обозначаемое как *tremendum*, возникает только при встрече с чем-то невообразимо могущественным, опасным и испепеляющим. Человек в обычной жизни не может себе даже помыслить *это*. Такое глубинное чувство ужаса описал в своих работах М. Хайдеггер, для которого экзистенциальный ужас является необходимым условием прикосновения к Ничто [19]. Ужас всегда возникает в области, которая находится вне человеческого бытия. Это же чувство способно пробудить человека, вырвать его из обычной рутинной жизни. Может быть, именно такой глубинный ужасающий трепет когда-то пробудил сознание древнего человека. Данная модальность нуминозного чувства является наиболее архаичной. Наряду с этим, подобный религиозный трепет содержит в себе элемент праведного гнева. Всемогущий Господь всегда вправе обрушить всю свою мощь на человека, разгневаться или разъяриться. Мы также можем отметить в чувстве трепета элемент ощущения абсолютного всемогущества – *majestas*. В предельном выражении такое чувство приводит к тому, что субъект растворяется в объекте, который одновременно выступает причиной всего сущего, и заставляет человека почувствовать собственную «тварность». Однако при этом священный трепет – это также очарование и заворожённость, желание прикоснуться и быть причастным божественному, чувство, обозначаемое как *fascinans*.

Так как священный трепет или чувство сакрального содержит в себе два полярных состояния, которые парадоксально замешаны в одно глубинное чувство, мы можем говорить об амбивалентности чувства трепета. Эту двойственность можно объяснить по-разному. Сакральное само по себе неоднородно, такова его природа: оно содержит в себе как ужасающее, нечистое, отталкивающее, так и восхитительное, чистое, манящее.

Так Ж. Батай пишет о всепроникающей и поглощающей мир *ярости*, определённом модусе священного начала мира [1, с. 60–67]. Человек относится к миру изначально двойственно: он испытывает ужас (так как высшей точкой ярости является смерть), но вместе с тем эта поглощающая сила завораживает и манит его. В свою очередь яростное насилие, склонность к которому содержится в каждом человеке, порождает запрет как средство усмирения этой буйной стихии внутри самого человека. Однако любой запрет содержит в себе нарушение этого запрета – трансгрессию. Эти два элемента – запрет и трансгрессия – немыслимы друг без друга. Запрет рождает страх, но одновременно с этим возникает желание нарушить этот запрет. Противоречивая природа человека рождает амбивалентность чувств. С одной стороны находится природный яростный разгул желаний, с другой – сознательный запрет. Автор говорит о том, что запрет явился причиной возникновения сознания у человека, именно запрет дал возможность осознать себя и свои действия. Однако каким образом возник самый первый запрет? По Фрейдю, древние люди совершили отцеубийство и усовестились. Но это также не объясняет, почему у древнего человека появилась совесть.

С другой стороны, исследуя данную проблематику, Р. Жирар вводит понятие *учредительного насилия* [10]. Как объяснить жертвоприношение и сакральное отношение к жертве? В древних обществах насильственная смерть, причинённая соплеменнику кем-то из другого племени, должна была быть компенсирована смертью другого человека. Однако такая кровная месть приводила к разгулу насилия, так как одно убийство тянуло за собой череду убийств из-за неравноценности людей. И тогда появилась заместительная жертва: соплеменники убийцы сами выбирали внутри своего племени человека, которого они принесут в жертву, чтобы компенсировать убийство. Обязательным ритуалом было перенесение «скверны» с настоящего убийцы на его заместителя, двойника.

Впоследствии человеческая жертва заместилась жертвой животного. Но ритуал остался прежним: все грехи людей переносились на объект, например козла отпущения, которого убивали согласно ритуалам, уничтожая накопившиеся в обществе грехи. Отношение же к таким жертвам *двойственно*. С одной стороны, жертва принимала на себя всё нечистое и греховное, к ней нельзя было прикасаться, иногда даже смотреть (это мог делать только обученный жрец, который осуществлял все действия так, чтобы самому не заразиться скверной). С другой стороны, жертва становилась священной, так как она устраняла скверну своей смертью. Р. Жирар видит в основе чувства священного именно эти ритуалы по устранению насилия, которое накапливается в обществе людей как бы само по себе, с течением времени.

Однако у Ж. Батая можно обнаружить иной подход к вопросу жертвоприношения, который нам более близок. В человеке есть внутреннее бессознательное желание вернуться в мир *непрерывности*, в мир

сакрального. Человек не может обратиться к этому миру напрямую, ему требуется осуществление определённого ритуала, в ходе которого жертвуется что-то абсолютно ценное для него, жертва возвращается в сакральный мир, а жертвователю в процессе обряда на короткий момент времени прикасается к этому миру. Жертвоприношение – это своеобразный способ, техника обращения к трансцендентному началу мира через развеществление жертвы, через сознательное, ритуальное действие, вследствие которого дискретная единица профанного мира возвращается в мир непрерывности. Принося жертву, человек совершает определённый ритуал, который даёт ему возможность опосредованно вернуться, проникнуть в мир сакрального, который является столь желанным и притягательным для человека. Жертвоприношение в таком случае оказывается трансгрессией, переходом из мира профанного в мир сакральный.

Бездна души и бездна мира

Однако ярость и насилие – это деструктивные элементы, хоть мы и не можем отказать им в силе и могуществе, которые они в себе содержат. В поисках источника возникновения чувства священного трепета мы можем обратиться к образу *бездны*, который возник в мистической философии Я. Бёме. *Ungrund* – это бездна, которая бушевала (или покоилась) в тот момент, когда мир ещё не был сотворён. Что можно сказать об этом состоянии? В сущности, *ничего*: нет мира, нет человека, нет времени и пространства. Данный образ используется в философии Н. Бердяева и неразрывно связан с понятием и возникновением человеческой свободы. «Свобода *Ungrund*-а не есть ни свет, ни тьма, ни добро, ни зло. Свобода лежит в тьме и жаждет света. И свобода есть причина света» [3, с. 61-62]. *Изначальное небытие, бездна пустоты есть причина свободной воли мироздания и человека вообще, образ бездны предстаёт как образ безусловной и бесосновной свободы. Н. Бердяев использует это понятие для обоснования свободы как главной проблемы человека. Т. е. онтологическая суть свободы состоит в том, что в тот момент, когда ещё ничего не было, была безусловная, полная свобода и можно было сотворить всё, что угодно. Это состояние Ничто, которое было до возникновения мира, это состояние Бездны, когда ещё нет ничего сотворённого.*

Противоположна мысль Жан-Поля Сартра, который даёт описание диалектической концепции ничто, исходя из которой в основе мира лежит бытие, а *ничто* является логическим следствием бытия, поскольку оно предполагает бытие, чтобы его отрицать. К массе бытия как бы добавляется, приставляется ничто, чтобы это самое бытие выявить. По мысли философа, состояние до начала мира не могло быть ничем, вернее, если мы говорим, что *ничего* не было, то мы как раз называем совокуп-

ность чего-то, но обозначаем это как *ничего*. Мы заходим в комнату, где находится ценная коллекция, и нам говорят: не трогайте *ничего*. Именно этим *ничего* и обозначается вся совокупность того, что нельзя трогать. Вплоть до того, что сам Сократ своей знаменитой фразой «Я знаю, что ничего не знаю» обозначает этим *ничего* как раз целостность рассматриваемого бытия как Истину [17, с. 78].

Однако, с нашей точки зрения, символ бездны – это *ничто*, которое существует как условие возможности существования жизни и бытия в целом. Бездна – это условие возможности наполненности бытия, это стремительная и невероятная погружённость в происходящее. Бездна существовала до возникновения мира, но она и продолжает существовать как условие возникновения всего нового и первозданного. Без бездны невозможно и существование чего бы то ни было.

С метафорическим образом бездны неразрывно связаны свобода и трепет. Бездна свободы бесконечно страшит человека, потому что жизнь человека конечна, протекает мимолётно в масштабах вселенной и вечности. «Кто вдумается в это, тот содрогнётся и, представив себе, что материальная оболочка, в которую его заключила природа, удерживается на грани двух бездн – бездны бесконечности и бездны небытия, – исполнится трепета перед подобным чудом...» [15]. **Ощущение бесконечности** мира и невыразимость того, что можно назвать бездной, рождает переживание трепета перед бесконечностью мироздания. Именно это состояние глубокого потрясения пробуждает в человеке его человеческое. Животное не соотносит себя с Космосом, не пытается его изучить или как-то освоить. Человек же наделён разумом и даром искания, но это всё приводит к тому, что мы можем только констатировать тот факт, что человечество живёт на пылинке мироздания, что до нас никому нет дела и в этой ситуации единственный наш удел – трепетно наполнять жизнь смыслом.

Но бездна – это ещё и *глубина*. В таком ключе образ бездны возникает в творчестве Г.С. Померанца [16]. Это одновременно и внутренняя глубина, и космическая бездна, и мир возвышающий. Здесь также два мира: внутренний и внешний. Бездна – это необычайная глубина человеческой психики, со всеми её извилинами, оттенками, парадоксами и тёмными пятнами. Тот, кто хоть раз пытался разобраться в хитросплетениях человеческой психики, может с уверенностью сказать, что там кроется бесчисленное множество всевозможных перверсий, отклонений и просто необъяснимых процессов. Это также и бесстрашие духа – бездна рассматривается в плане космическом, т. е. той идеальности, той духовности, к которой человек стремится. Она тоже не имеет пределов и границ, она как бездна, разверзается бесконечно. Но это же и ощущение земного страха, той бездны страха, которую переживает человек в травме рождения, в невротическом состоянии и тех состояниях, которые вслед за Кьеркегором мы называем трепетом [13].

Трактовка бездны как Ungrund, как бездны космической и как бездны внутреннего бесконечного психического мира человека неотделимы друг от друга, они взаимосвязаны. Внутренняя бездна человека и есть причина его свободы. Это и есть главная проблема: у каждого есть своя собственная, личная бездна, пустота, которая, с одной стороны, требует наполнения, а с другой стороны, способна сама заполнить всё вокруг. Моя собственная неисчерпаемость как человека, у которого есть не только душа, но и дух, также является пустотой. Бездна – это одновременно и всезаполняемость и абсолютная пустота.

Бездна порождает трепетный страх, который сопровождает человека в его вынужденных действиях в безграничной пустоте. Но человек обязан и должен придать этой пустоте смысл самолично. Он должен наполнить существующее вокруг бытие своим личным и подлинным смыслом. И тогда космическая бесконечность Б. Паскаля, космическая бездна – это то, что необходимо освоить, наполнить своей внутренней глубиной, точно такой же бездной. Только бесконечностью внутреннего психического мира можно заполнить бесконечность мира внешнего. Но внешняя пространственная бесконечность меркнет рядом с внутренней, духовной бесконечностью, потому что бесконечность космоса я могу себе лишь представить умозрительно, а собственную внутреннюю глубину я могу ощутить сам, удостовериться в ней на собственном опыте.

Зачем это нужно? По мысли Г. Померанца, выход к свету возможен только через тьму. Человек может ощутить океан света внутри этой бездны, в которую мы впадаем. Человек способен чувствовать полноту жизни постоянно. Бесконечность – это наша реальность, наша возможность. Для полноценной жизни человека требуется работа с бесконечностью. Она нужна, чтобы преодолевать те страшные и отвратительные вещи, с которыми мы сталкиваемся на каждом шагу. Работа с собой, с тёмной стороной собственной души необходима человеку. Древний завет «познай себя» – это наставление познать свою собственную бездну, погрузиться в неё, прожить сполна, ощутить глубину и темноту собственной психики и только после этого ощутить яркий внутренний свет. Человек создан для того, чтобы подняться над плоскостью тварного мира. Внутренний свет торжествует над банальностью века. Когда это бездна внешняя и ты её пугаешься, то это Ужас. Но если ты её вместили – это ликование и подъём духа.

Трепетная истина

Проблема познания мира также сопряжена с субъективным чувством трепета. Сегодня в мире главенствует рациональное познание окружающего мира, однако Н. Бердяев продолжает древнюю гностическую

традицию: «Учение об Ungrund'е и свободе и есть дерзновенная попытка понять миротворение из внутренней жизни Божества» [3, с. 60]. Описать загадочный и недостижимый процесс создания мира можно только из самой сути того, кто создал наш мир. Все попытки рациональных подходов сводятся только к гипотезам, которые постоянно меняются. Неизвестно, какие ещё открытия ждут нас, может оказаться так, что древний гнозис был и остаётся ближе всего к истине.

Интеллектом невозможно познать бытие. Конечно, истина бывает общезначимой, но она также бывает субъективной, индивидуальной. «Вся новейшая философия – последний результат всей новой философии – ясно обнаружила роковое своё бессилие познать бытие, соединить с бытием познающего субъекта» [4, с. 12]. Если мы говорим о состоянии духовного поиска, о попытке дать ответ на вопрос, который заведомо лежит за рамками истинности или ложности, то в таком случае правильность ответа будет определяться внутренним субъективным чувством озарения и истинности.

Трепет – это чувство, которое рождается в результате экзистенциального освоения того или иного знания, в результате подлинного освоения и понимания полученной информации. Действительное прикосновение к экзистенции заставляет содрогнуться глубочайшие уровни человеческой души. А заведомый отказ от тотального, всеохватного, рационального, научного знания может быть условием наиболее полного и истинного знания. Когда я сознательно отказываюсь от попыток рационально постичь мир и обращаюсь к познанию внерациональному, безумному, открытому миру во всей его противоречивости и абсурдности, только тогда я могу приблизиться к моей личной экзистенциальной истине.

Трепет – это полный отказ от достоверного знания и вручение себя вере и трансцендентному началу мира, Абсолюту, если угодно – Богу. Требуется великое мужество, для того чтобы в дерзновении веры броситься в пропасть, совершить «прыжок веры» по Кьеркегору, чтобы или получить всё, или же всё потерять. В этом акте веры, в этом волевом усилии человек всегда находится где-то на самом краю бездны. Здесь нет гарантий, здесь нет строгой логики рассудка. Здесь есть только рискованность и опасность веры, здесь есть её притягательность и её подвиг [4, с. 43]. Решиться на отказ от всего в пользу веры, совершить дерзновенный поступок – бесконечно трепетно. И именно в этой трепетности человек приобретает собственную вечную экзистенциальную истину.

Нельзя остановиться на рассудочном, конкретном и протокольном постижении истины. Человек и мир вокруг не устроены как машина, в которой мы способны обнаружить и проанализировать каждую деталь механизма. Нельзя отдаться строгой научной рациональности без остатка. «Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем: именно

сердце помогает нам постичь начало начал, и тщетны все усилия разума, неспособного к такому постижению, опровергнуть доводы сердца» [15]. Субъективная истина, которая может быть обнаружена и воспринята только с позиции внерационального начала в человеке, зачастую важнее и намного продуктивнее, чем истина рациональная. Гностическое знание, которое приходит как бы из ниоткуда, обладает несомненной ценностью для человека, и такое знание будет наиболее верным и точным для конкретного человека. Чувство же трепета является важным и, может быть, единственным индикатором для подтверждения экзистенциальной истины.

Так, например, осознание «я *есть*» выбрасывает человека из обывденности существования, заставляет дрогнуть, является причиной экзистенциального трепета. Но это должно быть экзистенциально истинное осознание, по-настоящему моё, действительно овнутрённое, отчётливое знание. «Я *есть*» – значит, что я существую вне собственного желания существовать. «Я *есть*» зависит от меня только в той степени, в которой я волен выбирать свой собственный способ бытия или небытия. Но это не только физическое состояние обветшания плоти, это и метафорическое движение к Жизни или к Смерти. Сама данность «я *есть*» вменяется человеку как его личная, неотчуждаемая проблема. «Я *есть*» – это обязательство, долженствование перед Жизнью.

Ушёл ли трепет?

Мы наблюдаем, что трепет незаметно уходит из нашей жизни. Требуется оговориться: нельзя утверждать, что жизнь человека полностью обескровлена и уже не содержит в себе ничего, что может тронуть душу, сердце и ум человека. Но факт повсеместного разволшебствования и десакрализации жизни европейского человека очевиден. И тогда чувство трепета становится необходимым атрибутом любого экзистенциального чувства. Без определённой трепетной глубины эмоциональный мир человека будет обычным и житейски понятным. Экзистенция требует трепетности, особого отношения к жизни и особого погружения в различные эмоциональные состояния.

Любовь может быть забавным приключением, а может быть трепетным состоянием. По З. Фрейду, изначально именно Эрос лежал в основе душевной жизни человека. Именно это чувство дало нам бесчисленное множество гениальных произведений искусства, именно это чувство поддерживает жизнь на земле, может быть, именно это чувство лежит в основе мироздания. Но что мы можем наблюдать сегодня? Человек перестал влюбляться, ушла страсть, ушло состояние эйфории, полёта, безграничной радости и всепоглощающего желания. Когда мы задаём кому-то простой вопрос: «Вы любите этого человека?», нам отвечают с

некоторой задержкой: «Не знаю, мне просто с ним удобно». Где же трепетное отношение? Должно же быть чувство застенчивого обожания, всепоглощающей любви, глубокого трепета? Мы всё реже наблюдаем такого рода чувства, человек перестал сгорать от любви.

И тогда интимная близость становится чем-то вроде «так положено». Мы слышим: «Вы знаете, вообще-то мне это всё не очень-то нужно, ну просто так должно быть и всё, так принято». Акт близости двух людей, который должен содержать в себе сокровенность, глубокую интимность, чувство единения, желание раствориться в другом и почувствовать себя на вершине земного блаженства вместе с любимым человеком, этот акт превращается в бессмысленную привычку. Механические движения, всевозможные сексуальные изыски, варианты и формы подвёрстываются под формулу «секс полезен для здоровья». Но как оказывается, без сокровенного чувства трепета перед этим интимным актом человек не только не улучшает здоровье, а наоборот, лишается его. Без чувства сокровенности и чуда, без истинного желания невозможно зачатие новой жизни.

Такой же сдвиг наметился и в отношении человека к смерти. Умирать в современной цивилизации уже давно не значит примириться или принять смерть. Человека после смерти гримируют, лишь бы он не походил на покойника. Но есть другое отношение к смерти. По Хайдеггеру, животное околевает, а человек принимает смерть. Примирение со смертью – это акт экзистенциальный, который возможен только при определённой настроенности человека, особом к ней отношении. Экзистенциалист воспринимает смерть мужественно и стоически: какой смысл плакать и кричать, если смерть неизбежна и от человека требуется принять её?

Или взять такой экзистенциал, как страдание. Вся современная культура нацелена на то, чтобы уйти от страдания любыми путями. Всевозможные обезболивающие, антидепрессанты и развлечения призваны в любой ситуации дать человеку возможность избежать или заглушить это чувство. Но есть истинная христианская вера, которая одна, по мнению Н. Бердяева, принимает страдание и имеет до конца мужественное отношение к страданию. Стоицизм учит идти навстречу любым жизненным ситуациям, но быть готовым принять страдание.

Ощущение чуда исчезло, божья вера стала сомнительной. Конечно, после работ Ф. Ницше христианство не может и не могло бы остаться прежним, и даже С. Кьеркегора преследовали за его критику церкви. Но здесь дело не в институте и не в системе, а в том, что мир вокруг человека растерял очаровывающую загадочность, то самое измерение, которое способно вызвать чувство трепета перед непознаваемым миром. Рациональное знание и попытка найти абсолютную истину привели к повсеместной сциентизации. К примеру, произошла десакрализация мозга. Раньше этот человеческий орган был загадкой природы. Учёные не знали, как подступиться к его изучению, что делать, как понять

устройство мозга. Сегодня всё изучено, каждая ганглия имеет своё описание и функцию, мозг проанализирован и разъят на части, загадки нет. Почти... Тайна мозга по-прежнему не задаётся, но учёные не останавливаются, дерзновенную мысль современного учёного не остановить [7].

Уже никого не удивляют проекты постчеловека, техноида и т. д. Энтузиасты от науки уверены в том, что требуется пересобрать человека заново, сделать его более выносливым или бессмертным, а сознание перенести в нейросеть. Конечно, это пример проявления инстинкта мёртволюбия, бессознательной тяги к уничтожению того человека, которого мы знали до сих пор. Но такому рвению к самоуничтожению следует противопоставить трепетное отношение не только к самой Жизни как к явлению чуда (ведь с точки зрения науки появление разумной жизни на земле необъяснимо), но и трепетное отношение к Смерти как к сокровенному акту перехода из одного состояния в другое, как к процессу завершения и даже своеобразного продолжения жизни.

Но мы осмелимся утверждать, что для того, чтобы испытать благоговение и трепетность, осталось достаточно оснований.

В своей повседневности человек находится в состоянии открытости собственного существа, человек не завершён, ему не хватает чего-то для ощущения своей целостности, для бытийствования в своём целом. Эта жажда целостности и стремление к трансцендентному чувству развито у всех людей не одинаково, кому-то легко даётся вера, кто-то же совершенно не понимает, о чём идёт речь. Далеко не все люди ощущают собственную незавершённость. Современность предоставляет человеку вереницу различных заменителей подлинного существования или, точнее, средств для вытеснения чувства невосполненности из области актуального сознания, из области действительного бытия. Но жажда эта неутолима, и как бы мы ни старались затуманить или устранить её, всегда остаётся частичка гнетущего, тянущего ощущения невосполненности бытия и себя в нём. Завершённость человека, чувство собственной целостности даётся лишь на мгновение, в пограничном переживании мира и глубокого, полного осознания себя в нём. Одно из таких пограничных состояний есть чувство ужаса или трепета.

Закрадывается вопрос: зачем трепету вообще выживать? Что он нам даёт? Всё это нужно для того, чтобы через мыслительный акт и эмоциональное освоение этих данностей пододвинуть себя к тому, чтобы быть действительным человеком, чтобы подобраться к тому, что мы называем личностью. Воспитание в себе глубоких чувств, постоянная работа с миром эмоций и переживаний, желание лучше и полнее понять близких людей приводит к глубинному и впечатляющему преображению человеческого существа. Но вот парадокс: если в государстве повышается уровень жизни (выраженный в материальном благосостоянии), то пропорционально вырастает количество самоубийств. Чем меньше проблем и забот, тем меньший смысл обнаруживается в жизни. И здесь трепетное

чувство требуется для того, чтобы всколыхнуть в заблудившемся человеке те состояния и переживания, которые приближают каждого к тому, чтобы называться Человеком.

Европейская цивилизация всецело направлена на рациональное постижение мира, всепроникающий научно-технический прогресс, веру в разум и стремление к комфорту. Но мы всё более отчётливо можем видеть, что такой вектор не оправдывает себя, не придаёт жизни смысла, не позволяет ощутить полноту этой жизни. Чувство трепета обладает широким спектром переживаний, оно возвышает человека до невообразимых высот и одновременно с этим содержит в себе невероятный безграничный страх. Но переживание опыта трансцендентного начала мира, ощущение божественного присутствия и возникновение благодатного чувства влияют на человека с непостижимой силой, преобразуют его психический мир и придают новый смысл его жизни.

Список литературы

1. *Батай Ж.* Проклятая часть: сакральная социология / Сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
2. *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
3. *Бердяев Н.А.* Из этюдов о Я. Бёме. Этюд I. Учение об Ungrund // Путь. 1930. № 20. С. 47-79.
4. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. 522 с.
5. *Вебер М.* Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
6. *Гёте И.В.* Фауст / Пер. в прозе П. Вейнберга. СПб., 1904. 468 с.
7. *Гуревич П.С.* Десакрализация мозга // Философская антропология. 2015. Т. 1. No 1. С. 6–19. URL: <http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2.pdf> (дата обращения: 16.03.2017).
8. *Гуревич П.С.* Философия культуры. М.: Аспект-Пресс, 1994. 314 с.
9. *Гуревич П.С., Спирина Э.М.* Грани человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2016. 173 с.
10. *Жирар Р.* Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. 2-е изд., испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 433 с.
11. *Кант И.* Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 125–224.
12. *Кьеркегор С.* Несчастнейший: сб. соч. / Сост. и коммент. А. Суховой. 4-е изд. М.: Изд-во ББИ, 2011. 367 с.
13. *Кьеркегор С.* Страх и трепет / Пер. с дат. Н.В. Исаева, С.А. Исаев. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.
14. *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Пер. с нем. яз. А.М. Руткевич. СПб.: АНО «Изд-во С.-Петербург. ун-та», 2008. 272 с.

15. Паскаль Б. Мысли. URL: http://royallib.com/book/paskal_blez/misli.html (дата обращения: 08.03.2017).
16. Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: Советский писатель, 1990. 384 с.
17. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. В.И. Колядко. М.: АСТ: Астрель, 2012. 925 с.
18. Фрейд З. Тотем и табу: психология первобытной культуры и религии / Пер. с нем. М.В. Вульфа. СПб.: Лениздат, 2014. 221 с.
19. Хайдеггер М. Что такое метафизика? 2-е изд. / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2013. 277 с.
20. Roszak Th. The Making of a counterculture: (Reflections on the technocratic society and its youthful opposition). N.Y., 1969. 303 pp.

FACETS OF HUMAN EXISTENCE

Irina EGOROVA

DSc in Philosophy, leading research fellow at the Department of history of anthropological doctrines RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: eiv1966@mail.ru

THE DISENCHANTMENT OF WORLD AND THE SENSE OF AWE

The object of the research is the sense of trembling, which is considered as a special human experience. In the philosophical literature, the trembling as the position is associated with this feeling as fear. The Danish philosopher S. Kierkegaard for the first time in European philosophy held demarcation between fear caused by the worldly and by the sacred. In our daily life we meet with real threats, hazards and shocks. Such fears have an obvious cause. But there is a fear of a different type. In a sense it can be called unreasonable. More precisely, its existence is caused by vague, undefined circumstances. In Kierkegaard's book "Fear and trembling" this state is inspired by the dream of Abraham: God ordered Abraham to lay his eldest son on the altar. Wake up, Abraham is perplexed: why God condemns me to such a test? Kierkegaard assesses the fear as trivial. You never know what can dream! But Abraham is a faithful Christian. He turns to God for clarification. But the sky is silent. The fear is born in the soul of the believer, but it has an inexplicable nature. Abraham undergoes a state of trembling: it is impossible to disobey God even if you have an idea that He is wrong.

The trembling opens the way to transcendence. In a state of awe, in deep prayer or in meditation, a person appears to us as a spiritual being, not just biological. The sense of awe arises in the sphere of religious and mystical experience. There are several approaches to the problem of the origin of religion and various other beliefs, but it is important to note that the idea of the emergence of religion out of fear is unfounded. This explanation is too simple and too superficial. Simple fear could not lead person to become a seeker of meaning and a creator of culture. The religion arose not from the fright and the fear of the forces of nature. Their origin is in the awe, the particular emotional state, which is the peak state of mind. The author tries to determine the essential difference between the trembling and other, similar experiences.

First of all, the magical practice is accompanied by trembling. The magic arose in the most ancient times; the religious rites, the mysteries, the chants and dance – all this, in the opinion of the author, is no less important for the definition of an entity of human nature, than the creation of tools and labor. However, all this is the part of so-called religious worldview. Apparently, the human existence began with mystical visions and insights, and later the first tools were created by the man, and the fire obeyed him. At first the man perceived the world enthusiastically and prayerfully, and after started to learn it in a practical manner. The beginnings of religion and culture must be sought not in fear of natural phenomena and the sense of deep awe of nature and universe.

The author also addresses the problem of the numinous. This concept is introduced into literature by Rudolf Otto. The feeling of the sublime contains a duality: a person experiences helplessness in the face of elements, while has a desire to overcome this natural phenomenon, to confront the threat, to tame nature. In those moments, a person towering over oneself, and in this case natural objects and phenomena engender a feeling of the sublime not because of fear but because they awaken a higher power in man. The trembling of the sublime is overcoming fear, it is elation, a calling to action, overcoming and accomplishment. While the sense of the numinous can occur before the feeling of something that cannot even think in full.

The author emphasizes link between metaphoric image of the abyss and freedom and trembling. The abyss of freedom frightens man infinitely, because his life is finite, it fleets at the scale of the universe and eternity.

The abyss produces a trembling, which accompanies man in his forced actions within a vast emptiness. But man himself is obliged to give meaning to this emptiness. He must fill existing being with his personal and genuine sense. And then the cosmic infinity of B. Pascal, the cosmic abyss is that you have to master, to fill with your inner depths, with the same abyss. Only the infinity of the inner mental world you can fill with the infinity of the outer world. But the outer spatial infinity pales next to the inner, spiritual infinity, because the infinity of space, I can only imagine speculative, and my own inner depth, I can feel myself, to make sure by my own experience.

Trembling is a feeling, which is caused by the existential development of knowledge, as a result of genuine exploration and understanding of the information received. The actual touching to existence makes shudder the deepest levels of the human soul. But a deliberate rejection of pervasive, all-encompassing, rational, scientific knowledge can be a condition of the most complete and true knowledge. When I consciously reject attempts of rationally comprehending the world and turn to the knowledge of the irrational, the insane, open world in all its contradictions and absurdity, only then I can approach to my personal existential truth.

Trembling is a complete rejection of the authentic knowledge and the handing oneself to the faith and the transcendental beginning of the world, to the absolute, and if you will – to God. It takes great courage to jump into

the abyss with the boldness of faith, to make a “leap of faith” according to Kierkegaard, to receive all, or to lose everything. In this act of faith, this volitional effort, person is always somewhere on the edge of the abyss. There are no guarantees; there is no strict logic of reason.

The author comes to the conclusion that in the modern world the sphere of trembling is reduced because, according to M. Weber, there was a “disenchantment” of the world (*Entzauberung der Welt*). But the sense of awe continues to be a purely human experience.

Key words: awe, trembling, fear, sacral, the ambivalence, sacred, sublime, abyss, the truth, gnosis, existential

References

1. Bataille, G. *Próklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* [La Part Maudite. La Sociologie Sacrée]. Moscow: Lodomir Publ., 2006. 742 pp. (In Russian)
2. Berdyaev, N.A. “Iz etyudov o Ya. Beme. Etyud I. Uchenie ob Ungrund” [From Sketches About J. Boehme. Etude I. the Doctrine of Ungrund], *Put'*, 1930, No. 20, pp. 47–79. (In Russian)
3. Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [Philosophy of Freedom. Sense of Creativity. Experience in Justifying a Person]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2015. 522 pp. (In Russian)
4. Böhme, J. *Avrora, ili Utrennyaya zarya v voskhozhdenii* [Aurora]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 413 pp. (In Russian)
5. Freud, S. *Totem i tabu: psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii* [Totem and Taboo: Resemblances Between the Mental Lives of Savages and Neurotics], trans. M.V. Vul'f. St. Petersburg: Lenizdat Publ., 2014. 221 pp. (In Russian)
6. Girard, R. *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and Sacred], trans. G. Dashevskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 433 pp. (In Russian)
7. Goethe, J.W. *Faust* [Faust], trans. P. Veinberg. St. Petersburg, 1904. 468 pp. (In Russian)
8. Gurevich, P. “Desakralizatsiya mozga” [Desacralization of Brain], *Filosofskaya antropologiya*, 2015, Vol. 1, No. 1, pp. 6–19. [<http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2.pdf>, accessed on 16.03.2017] (In Russian)
9. Gurevich, P. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. Moscow: Aspekt-Press, 1994. 314 pp. (In Russian)
10. Gurevich, P.S., Spirova, E.M. *Grani chelovecheskogo bytiya* [Facets of Human Existence]. Moscow: IF RAN Publ., 2016. 173 pp. (In Russian)
11. Heidegger, M. *Chto takoe metafizika?* [What is metaphysics?], trans. V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2013. 277 pp. (In Russian)
12. Kant, I. “Nablyudeniya nad chuvstvom prekrasnogo i vozvyshennogo” [Observing the Feeling of the Beautiful and Sublime], in: I. Kant, *Sobranie sochinenii* [Complete Works], 6 Vols., 2 Vol. Moscow: Choro Publ., 1964, pp. 125–224. (In Russian)
13. Kierkegaard, S. *Neschastneishii: sbornik sochinenii* [Unfortunate: a Collection of Works]. Moscow: BBI Publ., 2011. 367 pp. (In Russian)

14. Kierkegaard, S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling], trans. N.V. Isaeva, S.A. Isaev. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2010. 488 pp. (In Russian)
15. Otto, R. *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [The Idea of The Holy: n Inquiry Into the Non-rational Factor In the Idea of the Divine and its Relation to the Rational], trans. A.M. Rutkevich. St. Petersburg: Publishing house S.-Petersburg. University, 2008. 272 pp. (In Russian)
16. Pascal, B. *Mysli* [Thoughts]. [http://royallib.com/book/paskal_blez/misli.html, accessed on 08.03.2017]. (In Russian)
17. Pomerants, G.S. *Otkrytost' bezdne: Vstrechi s Dostoevskim* [Openness to the abyss: Meetings with Dostoevsky]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 384 pp. (In Russian)
18. Roszak, Th. *The Making of a counterculture: (Reflections on the technocratic society and its youthful opposition)*. N.Y., 1969. 303 pp.
19. Sartre, J.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology], trans. V.I. Kolyadko. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2012. 925 pp. (In Russian)
20. Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], ed. Yu.N. Davydov. Moscow: Progress Publ., 1990. 804 pp. (In Russian)